

1. Японский империализм

Предыдущие главы были написаны в первые годы войны, 1941–1942, как резюме того, что прошлые времена борьбы дали в виде полезной информации для рабочего класса, инструмента, полезного в его дальнейшей борьбе за свободу. Теперь, в 1944 году, война, начатая как попытка германского капитала вырвать мировую власть у английской буржуазии, охватила весь мир. Все напряжения, вызванные ростом капитализма на разных континентах, все антагонизмы между новой поднимающейся и старой могущественной буржуазией, все конфликты и волнения в ближних и дальних странах сплелись и взорвались в этой поистине мировой войне. И каждый день показывает, насколько глубже, грандиознее и основательнее, чем в любой предыдущей войне, будут ее последствия, как в Америке и Азии, так и в Европе. Человечество вовлечено в войну целиком, и нейтральные страны тоже ощущают ее последствия. Каждая нация вовлечена в судьбу каждой другой нации, какой бы отдаленной она ни была. Эта война — одна из последних конвульсий в непреодолимом процессе объединения человечества; классовая борьба, которая будет развиваться из войны, превратит это единство в самоуправляемое сообщество.

Помимо Европы, ее первой сцены, Восточная Азия стала вторым, не менее важным, центром войны. В Китае война с Японией шла уже несколько лет, когда с началом войны между Америкой и Японией он был включен как подчиненная часть в мировую борьбу. Эта борьба в Восточной Азии будет иметь такое же значение для мирового курса, как и борьба в Европе. Поэтому ее истоки, как и тенденции, должны быть рассмотрены здесь несколько более внимательно.

Плотное население, скопившееся на плодородных равнинах Восточной и Южной Азии и прилегающих островов, долго сопротивлялось вторжению капитализма. При численности почти в тысячу миллионов человек они составляли почти половину человечества. Следовательно, пока они остаются в состоянии мелкого сельского хозяйства и мелкого ремесла, нельзя сказать, что капитализм захватил мир, капитализм еще не завершил свою задачу и свой рост. Старые могущественные монархии застыли в своем первом контакте с растущим капитализмом XVI и XVII веков, они сдерживали его вторжение и отгораживались от его разрушительного воздействия. В то время как в Индии и на индийских островах торговый капитал мог постепенно установить свое господство, Китай и Япония могли сохранять себя как сильные военные державы в течение нескольких столетий. В XIX веке военная мощь современного капитализма сломала сопротивление. Развитие капитализма, сначала в Японии, а теперь в Китае, было причиной, содержанием и результатом нынешней мировой войны.

В XVII, XVIII и первой половине XIX века Япония была феодально-абсолютистским государством, отделенным от внешнего мира строгими запретительными законами. Она управлялась примерно сотней мелких князей [даймё], каждый из которых был владыкой своего собственного королевства, но все они строго подчинялись сёгуну в столице, который

формально был военным вождем номинального императора, микадо в Киото, но практически был реальным правителем. Сёгуны, чей пост был наследственным в семье Токугава, удерживали даймё в подчинении и поддерживали внутренний мир в течение двух с половиной веков. Сохранялась строгая феодальная организация четырех порядков в обществе; но в долгосрочной перспективе она не могла предотвратить внутреннее развитие.

Основой общества было мелкое фермерское хозяйство, на участках площадью всего один или несколько акров. По закону половина продукции должна была поставляться князю в натуральном виде (в основном рис), но часто с крестьян брали больше. Над ними возвышался правящий и эксплуатирующий класс воинов, самураев, образующих высший орден, состоящий из нескольких рангов, от князей до простых солдат. Они составляли дворянство, хотя их низшие, самые многочисленные сословия имели лишь небольшой доход от риса; они были своего рода рыцарями, жившими вокруг замков своих господ. Поскольку после прекращения старых междоусобных войн необходимость в их особой службе — воевать — отпала, они превратились в чисто паразитическое сословие, живущее в праздности или занимающееся литературой и искусством — именно они были создателями знаменитого японского искусства, которым впоследствии так восхищались в Европе. Но они имели право убивать всех представителей низших сословий, которые попадались им на пути, не подвергаясь наказанию. Ниже второго сословия, крестьян, стояли низшие сословия, ремесленники и купцы, которые работали на самураев, своих покровителей и клиентов; они зарабатывали деньги, и постепенно из них возник первый вид буржуазии.

Основой системы была тяжелая эксплуатация крестьян; японские авторы говорили, что политика правительства заключалась в том, чтобы оставить крестьянам столько, что они не могли ни умереть, ни жить. Их держали в абсолютном невежестве, они были привязаны к земле, которую не могли продать, им было отказано во всех удобствах жизни. Они были рабами государства; на них смотрели как на машины для производства риса, в котором нуждался правящий класс. Иногда голодные крестьяне поднимали локальные восстания и добивались некоторой компенсации, потому что неумелые солдаты не осмеливались выступить против них. Но голод и страдания оставались преобладающими условиями.

Несмотря на то, что законы были призваны установить окаменевшую неизменность, условия постепенно менялись. Расширение ремесла и торговли, увеличение производства товаров привели к появлению роскоши в городах. Правящая знать, чтобы удовлетворить свои новые потребности, вынуждена была занимать деньги и становилась должниками купеческого сословия, высших даймё, а также простых солдат. Последние, доведенные до нищеты, иногда, несмотря на запрет, уходили в другие профессии. В XIX веке их растущее недовольство выкристаллизовалось в систематическую враждебность к государственной системе. Поскольку они составляли наиболее интеллектуальный класс и находились под влиянием некоторых европейских идей, просачивавшихся через узкую щель голландской торговли в Дэдзими, они смогли сформулировать свою оппозицию в националистической программе «уважения к императору» как символу национального единства. Таким образом, существовали силы для изменения феодального абсолютизма в сторону капитализма; но они были бы слишком слабы для революции, если бы не сильный толчок со стороны агрессивного западного капитализма.

Уже в своем первом подъеме, при открытии всей земли в XVI веке, капитализм постучался в ворота Японии; он разжег войны между феодалами и князьями; распространение христианства против буддизма было выражением парализующего расстройств империи. Несколько последовательных сильных сёгунов предотвратили опасность, подчинив мятежных лордов своей централизованной власти; иностранцы были изгнаны, и в результате мощного удара — запрета и истребления христианства — ворота были закрыты на два с половиной века. Затем современный капитализм в своем завоевании мира снова постучался в ворота и своими пушками заставил их открыть. В 1853 году пришли американские и русские военные корабли, за ними последовали другие, были заключены торговые договоры с западными державами. И вот старая, изъеденная червями система управления сломалась, сёгунат исчез, враждебные ему кланы взяли верх и в результате «реставрации» 1868 года создали прочное единое государство под управлением микадо [императора].

Это означало введение капитализма. Сначала была заложена юридическая основа для общества среднего класса: четыре ордена были упразднены, и все жители стали свободными гражданами с равными правами. Была установлена свобода торговли, проживания и передвижения, частная собственность, в том числе и на землю, которую теперь можно было покупать и продавать. Вместо того чтобы земледельцу платить половину продукта натурой, с владельца земли взимался денежный налог. Самураи потеряли свои феодальные привилегии, а вместо этого получили сумму денег, на которую можно было купить участок земли или начать свое дело; как ремесленники и работодатели они составляли часть поднимающейся буржуазии. Государственные чиновники, офицеры армии и флота, интеллигенция в новом обществе в основном происходили из этого класса самураев. Высшее сословие оставалось у власти; часть феодальных князей теперь составляла Тайный совет, который за кулисами руководил правительством; их приближенные, по-прежнему связанные между собой старыми клановыми узами, становились членами кабинета министров, генералами, партийными вождями и влиятельными политиками.

Так что в Японии все было иначе, чем в Европе. Капитализм наступил не потому, что поднимающаяся буржуазия победила феодальный класс в революционной борьбе, а потому что феодальный класс превратился в буржуазию, что, безусловно, заслуживает уважения. Поэтому легко понять, что и при капитализме в японском правящем классе сохранялся феодальный дух с его сословными предрассудками, властной надменностью, раболепным почтением к императору. Дух среднего класса европейского капитализма полностью отсутствовал; Германия, которая больше всего похожа на Японию, отличается от нее тем, что там существует различие между дворянами-землевладельцами и промышленниками среднего класса. Только спустя несколько десятков лет была принята конституция по немецкому образцу, с парламентом, не имеющим власти над администрацией и бюджетом. Гражданские права практически не существовали даже на бумаге; правительство и чиновники имели абсолютную власть над народом. Крестьяне оставались глубоко поработанной, эксплуатируемой массой голодающих; замена капиталистического давления феодальным означала, что они должны платить большие деньги в виде налогов или арендной платы, что их земля перешла в руки крупных землевладельцев, что они могут быть выселены путем отказа от аренды, что вместо прежних известных страданий

наступило непредвиденное разорение из-за неизвестных влияний рынка и цен. Крестьянские восстания были многочисленны после первых лет Реставрации.

Капитализм был внедрен сверху. Способные молодые люди были отправлены в Европу для изучения науки и техники. Правительство возводило фабрики, в первую очередь оружейные заводы и верфи, так как военная мощь против других держав была наиболее актуальна. Затем были построены железные дороги и корабли, сооружены угольные шахты, затем развилась текстильная промышленность, в основном шелковая и хлопчатобумажная, были основаны банки. Частный бизнес поощрялся субсидиями, а государственные предприятия передавались в частные руки. Таким образом, правительство потратило много денег, полученных частично за счет налогов, частично за счет займов или выпуска бумажных денег, что резко взвинтило цены. Эта политика продолжалась и в дальнейшем; капитал разжирел за счет государственных субсидий, особенно на навигацию, с последующим искусственным процветанием. Эта система часто перерастала в чистую коррупцию; новоиспеченный класс капиталистов, из-за отсутствия унаследованных деловых максим в своих сделках, демонстрировал наглое отсутствие обычной честности; расхищение государственных средств для личного обогащения считалось обычным делом. Даже высшие чиновники и политики принимают участие в крупных предприятиях и получают заказы на них с помощью политического влияния.

Большое количество обедневших крестьян стекалось в города, на фабрики, где в трущобах скапливался сильно эксплуатируемый пролетариат, почти бесправный, разоренный низкой зарплатой (полюены в день), долгим рабочим днем (14-16 часов) и детским трудом. Государственные чиновники низших рангов, даже интеллигенция, инженеры, морские офицеры получают гораздо меньшую зарплату, чем в Европе. Рабочие классы в стране, как и в городах, живут в состоянии безнадежной нищеты, убожества и отчаяния, превосходящем худшие условия в Европе прежних времен. В текстильной промышленности существует регулярная рабовладельческая система; крестьяне продают своих дочерей на несколько лет на фабрики, где они живут интернами в самых ужасных антисанитарных условиях; после истечения срока контракта они частично возвращаются в свои деревни, принося с собой туберкулез. Таким образом, японское производство было дешевым, и за счет низких цен на свой хлам могло перебить западные товары на азиатском рынке. На основе высокоразвитой машинной техники, дополненной обширной примитивной домашней промышленностью и низким уровнем жизни рабочих, капиталистическая промышленность и торговля мощно росли; каждые десять лет импорт и экспорт удваивались. Хотя страна не сравнялась с Америкой, Англией и Германией, она поднялась выше большинства других стран. Число промышленных рабочих достигло двух миллионов в 1929 году; сельское хозяйство занимало уже менее половины населения. Рабочие жили в состоянии частичного рабства; только в машинной промышленности и среди моряков существовала хоть какая-то организация. Возникали забастовки, но их силой подавляли. Социалистические и коммунистические идеи, естественно, нашедшие себе дорогу в таких условиях, преследовались и жестоко уничтожались. Это полностью вписывалось в систему полицейского произвола, отсутствия личных прав, зверской жестокости и незаконного насилия над своими и чужими людьми, в которой уже проявился характер позднейшего фашизма.

Империализм, крупнокапиталистическая политика завоеваний, не имел нужды развиваться здесь постепенно; он с самого начала принадлежал к политике внедрения капитализма сверху. С самого начала милитаризм был главной целью и идеалом новой системы, сначала как средство обороны против белых держав, затем как средство завоевания рынков и источников сырья. Все старые боевые инстинкты, традиции дисциплины и импульсы угнетения бывшего класса самураев могли проявиться и возродиться в военном духе возвышенного национализма. Сначала, победив в 1895 году заплесневелую китайскую державу и завоевав Корею и Формозу, она заняла свое место среди крупных держав. Затем победа над столь же заплесневелой державой русского царизма в 1904 году открыла путь во внутренние азиатские царства. Теперь японские правители становились все более самоуверенными и начали говорить о мировой миссии Японии как лидера Восточной Азии и полного освобождения Азии от господства белых.

Эта политика завоевания часто защищается аргументом, что быстрый рост населения — удвоение за 35 лет — которое не может найти достаточного пропитания на небольших участках обрабатываемой земли на этих горных островах, вынуждает к эмиграции или увеличению промышленного труда, для которого должны быть доступны рынки и сырье. Везде рост капитализма с его отменой старых уз и расширением возможностей для жизни привел к быстрому росту населения. Здесь же, наоборот, это следствие, рассматриваемое как естественное явление, используется как аргумент для завоевания и порабощения других народов. Однако истинная причина этой политики завоевания сначала Маньчжурии, а затем северных провинций Китая заключается в отсутствии у Японии железной руды. Вся промышленная и военная мощь в наше время основывается на владении железом и сталью, поэтому Японии нужны богатые месторождения полезных ископаемых в Жэхэ и Шаньси. В то же время японский капитал вторгся в Китай и основал фабрики, главным образом хлопчатобумажные, в Шанхае и других городах. И там вырисовывалось видение будущего величия и могущества: сделать из этих 400 миллионов сначала потребителей своей промышленности, а затем эксплуатировать их как рабочих. Поэтому необходимо было стать политическим хозяином и лидером Китая. И большинство экспертов по восточным делам не сомневались, что Япония с ее военной мощью, крупной промышленностью, гордой самоуверенностью сумеет доминировать над бессильной и разделенной китайской империей.

Но здесь японские правители столкнулись с тяжелой обратной стороной. Сначала с неожиданно упорным сопротивлением китайского народа, а затем с более могущественным противником. Овладение рынками и будущее развитие Китая — жизненно важный вопрос для американского капитализма в его нынешнем состоянии развития. Несмотря на самые тщательные и масштабные приготовления, Япония не сможет сравниться с колоссальными промышленными ресурсами Америки, когда они преобразуются в военную мощь. Поэтому ее правящий класс потерпит поражение. Когда военная мощь Японии будет уничтожена и ее высокомерные капиталистические бароны будут повержены, тогда впервые японский народ освободится от феодальных форм угнетения.

Для Японии это будет рассвет новой эры. Независимо от того, введут ли победившие союзники более современную форму правления, или с падением подавляющей власти вспыхнет революция крестьян и рабочих, в любом случае варварская отсталость в уровне жизни и идеях потеряет свою основу. Конечно, капитализм тогда не исчезнет; для этого

потребуется еще много внутренней и мировой борьбы. Но эксплуатация примет более современные формы. Тогда японский рабочий класс сможет наравне со своими американскими и европейскими собратьями по классу принять участие во всеобщей борьбе за свободу.

Версия #1

Артём создал 30 декабря 2025 08:49:31

Артём обновил 30 декабря 2025 08:50:25